

МАРГАРИТА АЛИГЕР: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

София Пазина

Аркадий Ваксберг в своей книге «Из ада в рай и обратно» передаёт своё впечатление от беседы с М. Алигер: «Маргариту Алигер мне удалось разговаривать в конце сентября девяносто первого – незадолго до её смерти. Она переживала одну трагедию за другой (смерть мужа, трагическую гибель дочери), оборвав уже, в сущности, всякую связь с прошлым. Может быть, поэтому, неоднократно отказываясь раньше говорить о том эпизоде, на этот раз вдруг решилась.

«Порог выносимости не безграничен. Но моральная пытка ещё страшнее физической. От неё тупеешь, отключаешься, перестаёшь принадлежать себе... Я безропотно подписала, даже не прочитав, то письмо, – лишь бы скорее сбежать, лишь бы не видеть жабую физиономию омерзительного Заславского и паточную улыбку лощёного упыря Хавинсона. Вернулась домой и влила в себя чуть ли не всю бутылку коньяка».

Маргарита Иосифовна Алигер родилась 24 сентября (7 октября – по новому стилю) 1915 года в Одессе в семье служащих. Окончила химический техникум, работала по специальности на заводе. Дебютировала в печати в 1933 г., уже тогда она была полна искреннего энтузиазма и веры в революцию. В 1934-1937 гг. училась в Литературном институте.

Участник Великой Отечественной войны; военный корреспондент. Была членом КПСС с 1942. В первых же её книгах: «Год рождения» – 1938, «Железная дорога» – 1939, «Камни и травы» – 1940 – критики отмечали заметный контраст со многими тогдашними стихами, изобиловавшими только радужными красками, когда всё вокруг рисуется безмятежным и безоблачным. В поэме «Зима этого года» – 1938, рассказывавшей о горе матери, схоронившей новорождённого сына, частично отразилась и атмосфера возникшей в стране подозрительности:

*Он указательным перстом
Неукротимо потрясал,
Меня изобличая в том,
Что, дескать, где-то, как-то раз,
Я обменялась парой фраз,
С кем не положено...*

Написанные в годы Великой Отечественной войны поэмы: «Зоя» – 1942 г. и «Твоя победа» – 1944-45 и 1969 гг. – имели несхожую судьбу: первая, взволнованно и романтически воссоздавшая образ героини-партизанки, вчерашней школьницы, – была отмечена Сталинской премией 2-й степени 1943 года; вторая и некоторые лирические стихи были охарактеризованы критикой как «упаднические», поскольку рядом с верой в победу и с обычной для тогдашней советской поэзии идеализацией революции, коммунизма и Сталина явственно звучала боль израненной войной и безвозвратными потерями души:

*Я когда-то была молодою,
Я не помню уже, когда.*

И еще:

*С пулей в сердце живу я на свете.
Мне ещё не скоро умереть.
Снег идет. Светло. Играют дети.
Можно плакать, можно песни петь.*

*.....
Как же ты не умерла от пули,
Выдержала огненный свинец?*

*Я осталась жить не потому ли,
Что, когда увидела конец,
Частыми, горячими толчками
Сердце мне успело подсказать,
Что смогу когда-нибудь стихами
О таком страданье рассказать.*

Из казанской тетради.

Поздние исторические интерпретаторы ставили под сомнение версию о Зое Космодемьянской – о юной партизанке, повешенной гитлеровцами, как официальную легенду, однако поэма полна искреннего трагизма:

*Тишина, ах, какая стоит тишина!
Даже шорохи ветра нечасты и глухи.
Тихо так, будто в мире осталась одна
Эта девочка в ватных штанах и треухе.*

Хотя после войны Алигер причисляла себя к «лишённому иллюзий поколению» (в стих. «Нет забвенья!»), иллюзии у неё оставались:

*Что там, за четвертой пятилеткой?
Цель всё ближе, выверен маршрут...
Всё крепчает в сердце ощущение:
Лучшее свое стихотворенье
Я при коммунизме напишу.*

Стих. «На ближних подступах»

Сборники стихов: «Первые приметы» – 1948 г., «Ленинские горы» – 1953 г. – заметно иллюстрированы, в них особенно сильно сказались свойственные поэзии Алигер некоторая прозаичность и многословность. Истинный драматизм сохранялся в эту пору лишь в её любовной лирике (стих. «Перед зарей» и др.).

Хочется обратиться к воспоминаниям одного из тех, кто через всю жизнь пронёс пронзительные строки Маргариты Алигер. Наш современник Лазарь Ратнер: «После войны наша большая шумная ленинградская коммунальная квартира затихла и потемнела. Одни не вернулись с фронта, а среди тех, кто умер в блокаду, была и моя добрая и весёлая мама. Без неё в комнате стало неуютно и тоскливо, особенно, когда отец надолго уходил к какой-то женщине. В классе, где я учился, был товарищ Толя Хейфец. Он любил математику, и мы часто вместе делали уроки. Однажды осенью 1946 года я впервые услышал стихи, которые произносились шёпотом:

*В чужом жилище руки грея,
Я её осмелилась спросить:
Кто же мы такие? – Мы евреи!
Как могла ты это позабыть?*

*.
Лорелея, девушка на Рейне,
Светлых струн зеленый полусон.
В чем мы виноваты, Генрих Гейне?
Чем не угодили, Мендельсон?
Милые полотна Левитана,
Доброе свечение берез...
Чарли Чаплин, с белого экрана
Вы ответьте мне на мой вопрос.
Разве всё, чем были мы богаты,
Мы не отдали без лишних слов?
В чем мы перед миром виноваты,
Эренбург, Багрицкий и Светлов?*

*.
Отвечайте мне во имя чести
Племен несчастного в веках,
Мальчики, пропавшие без вести,
Юноши, погибшие в боях.*

*Вековечный запах униженья,
Причитанья матерей и жен...
В смертных лагерях уничтоженья
Наш народ расстрелян и сожжён.*

*Танками раздавленные дети,
Этикетка «Юде», кличка «жид».
Нас почти что нет уже на свете,
Но я знаю – время воскресит.*

*Мы – евреи... Сколько в этом слове
Горечи и бесконечных лет...
Я не знаю, есть ли голос в крови,
Но я знаю – есть у крови цвет.*

Спустя долгие годы было случайно найдено имя человека, который достойно ответил М. Алигер. Первоначально этот ответ приписывали Илье Эренбургу, хотя он категорически отказывался от этого авторства; позднее дочь его Ирина Эренбург подтвердила, что ответ принадлежал не отцу, но под многими строчками он мог бы подписаться. Из этой статьи стало известно, что имя человека, ответившего Маргарите Алигер, – **Мендель Рашкован**. Участник Великой Отечественной войны, он был трижды ранен на фронте. В 1946 году, после демобилизации, он поселился в Самарканде, учился, работал, писал стихи, но никогда их не печатал. Отрывок из поэмы Алигер он переписал у знакомых, не удержался и, как мог, ответил на её риторические вопросы. А вскоре московский студент, гостивший в Самарканде, взялся передать его «Ответ» как анонимный самой Маргарите Иосифовне Алигер.

Пусть имя Менделя Рашкована останется в благодарной памяти современников!...

События, последовавшие за смертью Сталина, были горячо восприняты Алигер как новый этап в жизни страны, которому она стремилась всемерно способствовать. Протестуя против навязываемых литературе догм, Алигер отстаивала право на собственное видение жизни (стих. «Письмо к одному знакомому», «Разговор в дороге»):

*Мне хватало счастья и печали,
На пирах и в битвах я была.
Вот ведь Вы, небось, не изучали
То, что я сама пережила.
Или я опять не то сказала?
Вижу, Вы нахмурились опять:
«Я сама... Ей- богу, это мало!
Надо жизнь чужую изучать!»
Изучать положено от века
Ремесло, науки, языки.
Но живые чувства человека,
Жар любви и холодок тоски,*

*Негасимый свет, огонь горячий,
Тот, который злу не потушить...
Это называется иначе.
Понимать всё это – значит, жить.
.....
Не прошу о льготе и защите,
Жизнь моя, горю в твоём огне.
Так что, мой попутчик, не взыщите
И не сокрушайтесь обо мне.*

Маргарита Алигер была одним из инициаторов издания сборника «Литературная Москва» в 1956 г., где были опубликованы некоторые острокритические произведения, например, рассказ А. Яшина «Рычаги», стихи пребывавших до того в забвении Марины Цветаевой и Николая Заболоцкого. В 1957 г., вместе с другими членами редколлегии сборников, Алигер стала мишенью ожесточённой критики, особенно резко лично о ней отзывался Никита Хрущёв. Правда, позднее, как писал Евгений Евтушенко, Хрущёв, будучи уже в отставке, просил передать извинения всем писателям, с которыми он был груб, и первой из них – Алигер, с запоздалой прямоотой назвав своё поведение «вульгарным и бестактным».

Пережив прекращение издания «Литературной Москвы», Алигер продолжала много работать. В циклах её стихов, навеянных впечатлениями от зарубежных поездок (стих. «Две встречи», «Японские заметки», «Из французской тетради» и др.), обычные для советской поэзии той поры мотивы «борьбы за мир», «пороков капитализма» и «преимуществ социалистической системы»— всё чаще уступают место вдумчивым наблюдениям, желанию понять чужую психологию и иной образ жизни. Сказанные в очерковой книге «Возвращение в Чили» (1966 г.) по частному поводу слова: «Людам надо помогать, любить друг друга», выражают и нафос многих её стихов. В цикле «Печальная Испания», рядом с традиционной романтизацией гражданской войны 1936-1939 гг. в Испании, возникает и тревожное сомнение, относящееся не только к этой трагедии:

*Стоило ли реки крови
Лить, куда ни глянь на свете?
Стих. «Чёрный ангел»*

Чужая история всё явственнее становится поводом для переосмысления пережитого Родиной (стих. «Помпея», «Тоledo»). Среди многочисленных переводов Алигер, за которые она получила международную премию имени П. Неруды (1989 г.), выделяются стихи Л. Арагона, Е. Багряны, Д. Максимович, П. Неруды, Л. Первомайского, часто созвучные её собственным мыслям и чувствам:

*Голова на подушке темна,
Голова на подушке седа,
Верил – первых полсрока,
Вторые – промаялся люто...*

*.
Очень страшно и медленно
В нас умирают утопии.*

Л. Арагон, «Разорванные страницы».

Из стихотворения «По ком звонит колокол»:

*В мире становится всё просторней.
Время сечёт вековые дубы,
Но остаются глубокие корни
Таланта, работы, борьбы, судьбы.
Новых побегов я им желаю,
Погожих, солнечных, ветреных дней.
Но колокол, колокол, не умолкая,
Колокол стонет в душе моей.*

1961

От сборника «Из записной книжки 1946 - 1956 гг.» (1957 г.) к сборнику «Синий час» (1970 г.), который сама Алигер называла «лучшей своей книгой» (мемуары «Тропинка во ржи», 1980 г.), и циклу «Стихи минувшего лета» (1979 - 1980 гг.) в её творчестве крепнут драматические и, вместе с тем, мужественные мотивы подведения жизненных итогов, расставания не только с умирающими друзьями, но и с былыми представлениями:

*Я больше не хочу возврата
За тот немыслимый хребет,
Где смолоду казалось свято
Всё то, к чему возврата нет.*

Стих. «Новый Арбат».

*«Где ты, мой разбитый полк?..
Ах, как много мы хотели!
Ах, как мало мы смогли!»*

Стих. «Лось»

«Ты вся в них, – писал Л. Первомайский Маргарите Алигер о стихах книги «Синий час», – с болью, обидой, любовью, потерями, гордостью и смирением, вечной жаждой и неудовлетворенностью...».

То же умонастроение определило и звучание статей и мемуаров Алигер: воспоминания об Александре Твардовском, Корнее Чуковском, Илье Эренбурге, запечатленных во всей сложности их судеб и характеров.

Тяжело дались поэтессе последние годы жизни, которые совпали с распадом СССР, ещё более обострившим её трагическое ощущение себя одним из «обманутых солдат разбитого полка» (стих. «Лось»), чуждых и неинтересных новому поколению.

*Несчетный счет минувших дней
Неужто не оплачен?
... Мы были во сто крат бедней
И во сто крат богаче.*

*Мы были молоды, горды,
Взыскательны и строги.
И не было такой беды,
Чтоб нас свернуть с дороги.
И не было такой войны,
Чтоб мы не победили.
И нет теперь такой вины,
Чтоб нам не предъявили,
Уж раз мы выжили. Ну, что ж!
Судите, виноваты!*

*Всё наше: истина и ложь,
Победы и утраты,
И стыд, и горечь, и почёт,
И мрак, и свет из мрака.*

*... Вся жизнь моя – мой вечный счёт,
С лихвой, без скидок и без льгот,
На круг, – назад и наперёд, –
Оплачен и оплакан.*

Маргарита Алигер всегда была в первых рядах тех писателей, которые требовали права на свежий воздух. Либеральная интеллигенция аплодировала Алигер, когда на собрании московских литераторов она сказала, что «старые товарищи по фронту и по поэзии простят Косте Симонову некоторые его поступки только при условии, что он их никогда не повторит». Речь шла о подписании Симоновым письма Сталину о поддержке идеи депортации евреев весной 1953 г. В начале этой статьи говорилось о том, что и Алигер подписала то письмо. Это была её незаживающая рана до конца жизни... Письмо, о котором идет речь, существовало, сбор подписей проходил в условиях поистине драматических. Затем оно куда-то «затерялось», а недавно «нашлось», но в очень странном варианте. Машинописный и набранный типографским способом тексты отличаются друг от друга; под текстом находится перечень подписавшихся, но без самих подписей – в перечне значатся 58 имен, хотя из воспоминаний людей, оставшихся в живых и согласившихся ответить на этот вопрос, известно, что планировалось собрать не менее ста подписей. Опубликовавший этот текст журнал «Источник», всегда ссылавшийся на точное место хранения документа, на этот раз (не случайно, конечно) поступил вопреки своим правилам: где найден этот документ и где он находится, в публикации не обозначено. Подтасовка видна невооружённым глазом. Судя по опубликованному тексту, речь идет о его второй, а, возможно, и третьей редакции, исправленной и смягченной: призыва спасти евреев от «справедливого народного гнева» там нет, хотя он запомнился тем, кто был ознакомлен с письмом в редакции «Правды». Фальсификация, проделанная

журналом «Источник», – подмена первого варианта письма другим вариантом, убедительно разоблачена журналистом-историком Борисом Фрезинским. Она видна уже из того, что в тексте письма, якобы составленном не позже 3 февраля 1953 г., упоминается «взрыв бомбы» на территории миссии СССР в Тель-Авиве, который на самом деле произошёл 9 февраля. Первый вариант, потрясший и Каверина, и Гроссмана, и других, подписавших и не подписавших его, был, как пишет Б. Фрезинский, «иным и страшным, и теперь уничтожен или утаивается». Публикация первого варианта моментально перечеркнула бы неуклюжую попытку «трезвых и объективных» историков (так аттестует их журнал «Наш современник», высоко оценивший книгу Костырченко «В плену у красного фараона») защитить Сталина под маской его разоблачения.

Важнейшую роль в судьбе подготовленного к публикации письма, точнее, в том, ради чего оно готовилось, сыграл Илья Эренбург. Но это – тема уже другого исследования.

Несколько слов о личной жизни Маргариты Алигер. Надо сказать, что она была глубоко несчастна. Её первый муж, композитор Константин Макаров-Ракитин, был убит в бою. Их дочь – талантливая поэтесса Таня Макарова, трагически ушла из жизни. Отец её второй дочери, Александр Фадеев, как известно, покончил жизнь самоубийством. Их дочь, выйдя замуж за немецкого поэта Ганса Энценбергера и, не найдя за границей своего места в жизни, тоже ушла из жизни по своей воле.

Потеряв своего последнего мужа, Маргарита Алигер осталась совсем одна. 1 августа 1992 года она трагически погибла, упав в глубокую канаву, наполненную водой (п. Мичуринец). Похоронена в писательском посёлке Переделкино рядом с могилами дочерей (Татьяны и Марии).

Все, знавшие поэта, вспоминают её как на редкость светлого человека. Евгений Евтушенко писал о ней:

*Была в поэте, слитая навеки,
Особенная внутренняя гордость –
И русского поэта, и еврейки.*

Я хочу привести стихи Маргариты Алигер, которые я считаю программными и очень люблю:

*Милые трагедии Шекспира!
Хроники английских королей!
Звон доспехов, ликование пира,
Мрак, и солнце, и разгул страстей.*

*Спорят благородство и коварство,
Вероломство, мудрость и расчёт.
И злодей захватывает царство,
И герой в сражение идёт.*

*Эти окровавленные руки,
Кубки с ядом, ржавые мечи –
Это человеческие муки,
Крик души и жалоба в ночи.*

*Заклинанья и тоска о чуде,
Спор с судьбой и беспощадный рок –*

*Это только люди, только люди,
Их существования урок.*

*Неужели и мои тревоги,
Груз ошибок и душевных мук
Могут обратиться в монологи,
Обрести высокий вечный звук?*

*Неужели и моя забота,
Взлеты и падения в пути
Могут люто взволновать кого-то,
Чью-то душу могут потрясти?*

*То, что смутной музыкой звучало,
Издали слышнее и видней.
Может, наши участи – начало
Для грядущих хроник наших дней.*

*Солона вода и хлеб твой горек,
Труден путь твой в толщу прошлых лет
Нашего величия, историк,
Нашего страдания, поэт.
Только б ты не допустил ошибки,
Полуправды или лжи,
Не смешал с гримасами улыбки
И с действительностью – миражи.*

*Человек, живой своей судьбою,
Ты ему сегодня помоги,
Не лукавь и будь самим собою,
Не обманывайся и не лги.*

*Не тверди без толку: ах, как просто!
Ах, какая тишь да гладь!
А уж если ты такого роста,
Что тебе далёко не видать,
Не мешай в событиях разобраться
Сильным душам, пламенным сердцам.*

*Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось вашим мудрецам.*

Источники

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
2. <http://www.litera.ru/stixiya/authors/aliger.html>
3. Библиографический указатель «Русские советские писатели», 1977. – Том 1.
4. Аркадий Ваксберг. «Из ада в рай и обратно». – М.: «Олимп», 2003. – С. 354, 432, 433.
5. Советская поэзия, в 2-х томах. – М.: Библиотека всемирной литературы, 1977.
6. Стифы века. Антология русской поэзии. – Минск, М.: Полифакт, 1995.